

Т.Л. Клячко*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: школьное образование; университеты; новые образовательные технологии; компетентностный подход; российская специфика.

В статье анализируются новые тенденции в развитии школьного и вузовского образования, которые в ближайшие 20 лет сформируют принципиально новый облик системы образования. Показано, что происходящий переход к всеобщему высшему образованию приведет к снижению общественной ценности высшего образования в развитых странах, которые первыми завершат указанный процесс. При этом в развивающихся странах ценность высшего образования будет нарастать и, соответственно, будет быстро расти поток иностранных студентов в престижные университеты США, Великобритании, Германии, Франции и других стран, обладающих современными системами высшего образования. В то же время взрывной рост студенческих контингентов в развивающихся странах приведет к попыткам вузов этих стран подняться в мировых рейтингах за счет массированного приглашения к себе преподавателей из ведущих университетов и резкого повышения их заработной платы. В результате издержки университетов во всем мире будут стремительно возрастать. Одновременно все большее место в системе высшего образования начнут занимать массовые открытые онлайн-курсы, которые позволят несколько ограничить рост издержек, с одной стороны, а с другой – приведет к перестройке всей архитектуры высшей школы.

Образование в современном мире рассматривается как важнейший ресурс создания, сохранения и развития человеческого капитала. Вместе с тем быстрые изменения в технике и технологиях производства, а также связанные с мощным вхождением в жизнь новых информационных продуктов и услуг, которые постоянно провоцируют социальные инновации привели к тому, что традиционные формы образования перестали «успевать» за общественными изменениями. Кроме того, образование столкнулось с новыми вызовами, когда в школе или вузе происходит постоянное размывание гомогенности учащихся: в одном классе или студенческой группе оказываются учащиеся из разных социальных слоев и групп, обладающие разным социальным и культурным капиталами, приверженцы разных религий, мигранты или дети мигрантов, иностранные студенты, зачастую из стран, расположенных на разных континентах, но, что важнее, живущих в разном «социальном времени». Все эти изменения приводят к тому, что реформы образовательных систем стали практически перманентным процессом. При этом предлагаемые концепции развития и реформ образования в основном исходят из двух прямо противоположных представлений:

1) место и роль образования в обществе не претерпят существенных изменений, хотя изменятся технологии образования: значительную роль

в передаче знаний займут открытые онлайн-программы как расширение и добавление к программам, реализуемым в образовательных организациях разного уровня. При этом заметную роль начнут играть сетевые формы образовательной деятельности, которые позволят оптимизировать как бюджетные расходы, так и расходы населения на данную сферу. Однако введение новых организационно-экономических механизмов в систему образования сути ее деятельности не затронут;

2) место и роль образования в обществе уже в среднесрочной перспективе принципиально изменятся, переход к экономике знаний (экономике, основанной на знании) станет не столько лозунгом, сколько реальной основой всех протекающих в обществе процессов. Массовое онлайн-образование коренным образом изменит характер образовательной деятельности как в общем, так и в профессиональном образовании. Фактически мир уже стоит на пороге «образовательной революции» и потребуется примерно 10–15 лет, чтобы она проявила себя в полном объеме.

М. Барбер с коллегами считает, что уже слышен «гул лавины», которая похоронит под собой старую модель высшего образования [1]. Представляется, что приближение «схода лавины» больше всего в настоящее время ощущается именно в высшем образовании, как наиболее подвижной подсистеме образовательной сферы.

**Клячко Татьяна Львовна – доктор экономических наук, профессор, директор Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1, +7 (903) 103–78–30; tatlk@bk.ru, tlk@ranepa.ru.*

Истина, как всегда, будет, видимо, находиться посередине. Во многом это связано с длительностью обучения на том или ином уровне образования. Так, в 20 лет, оставшихся до 2035 г. (а этот год становится в России новой точкой для выработки стратегии развития), в общем (школьном) образовании вложится примерно 10 полных сроков обучения в школе (при 11-летнем обучении): дети, которые в 2016 г. сели за парты, окончат школу в 2027 г. (и сейчас уже неплохо бы представлять себе, к жизни в каком мире мы их готовим), а в 2024 г. (всего через 8 лет) сядут за парты дети, которые окончат школу в 2035 г. (при сохранении 11-летки). Школьный сегмент системы образования и наиболее консервативен, и наиболее традиционен. Но понимание временной перспективы даже здесь заставляет менять привычные способы передачи знаний и обучения. При этом дело не только в том, что в школьное образование входят информационные технологии. В быстроменяющемся мире надо учить тому, что практически не будет меняться (читать, писать, считать, основополагающим законам природы и т. п.), а также способности воспринимать новое и искать информацию, поскольку мы не знаем, что будет востребовано уже достаточно скоро. Именно поэтому российские школьники находятся на высоких позициях в исследованиях TIMSS и PIRLS (обучение «вечному»), и на низких позициях в PISA, поскольку в этом исследовании надо показывать применение иных, «вечных», но не знаний, а компетенций. Соответственно, в мире происходит переход к компетентностному подходу в образовании, который как раз и отражает понимание того, что школьники начинают учиться в одну социальную и технологическую эпоху, а заканчивают в другой. Для России это пока странно (хотя и в ней «социальное время» резко ускорилось), и компетентностный метод обучения кажется большинству «учителей» ненужным заимствованием. Отсюда и стремление вернуться к старой понятной школе, когда учили на совесть и выучивали «на всю жизнь». То, что сейчас нельзя выучить «на всю жизнь», хотя и декларируется, но в целом обществом не понимается, а в определенных слоях и не принимается (консерватизм — это нежелание и боязнь перемен, на которые образованные в старой парадигме люди, не умеют реагировать). Современное образование — это в первую очередь выработка у учащихся адаптивности к меняющейся очень быстро среде. В школе данный переход потребует значительного повышения квалификации и школьных управленцев, и школьных учителей, а также существенных

финансовых расходов (что плохо понимается, если мыслить в категориях традиционного образовательного процесса: в этом процессе все давно известно, поэтому не ясно, на что в этом случае тратить большие средства).

В ответ на вызовы современной экономики высшая школа в развитых странах постепенно приобретает все большую гибкость (маневренность) и благодаря этому увеличивает охват. В то же время внедрение в ней инноваций облегчено меньшей длительностью обучения по сравнению с тем же общим (школьным) образованием, хотя это преимущество (по сравнению с той же школой) постепенно теряется. Соответственно, это крайне упрощает внедрение в образовательный процесс всего нового, более быстрый отклик высшего образования на происходящие перемены в экономике и обществе не только технико-технологические, но и социальные. Вместе с тем если брать полный цикл обучения в университетах, то это время растет: бакалавриат — магистратура — аспирантура (докторантура) охватывают все большую массу молодежи, а полное время очного обучения у растущей численности молодых людей достигает от 7 до 9–10 лет, но уровень высшего образования пока позволяет достаточно быстро и адекватно реагировать на внешние вызовы (это характерно практически для всех систем высшего образования, и Россия здесь не исключение). Одним из свидетельств такой реакции в Российской Федерации является, например, существенно более быстрая смена федеральных государственных образовательных стандартов именно высшего образования — уже начал действовать ФГОС 3+.

Одновременно расходы на высшее образование во всем мире растут, что приводит к сменам финансово-экономических моделей и механизмов бюджетного и внебюджетного финансирования данной сферы. В странах с платным высшим образованием к расходам домохозяйств и росту образовательного кредитования все сильнее подключаются государство, различные негосударственные некоммерческие фонды, крупные компании. Сами университеты превращаются в крупнейшие корпорации, чьи ценные бумаги обращаются на бирже, а фонды целевого капитала (эндаументы) составляют нередко десятки миллиардов долларов.

Не менее важным является формирование экосистем университетов, в состав которых входят мощные исследовательские лаборатории, работающие совместно с лабораториями и научно-исследовательскими институтами различных компаний, включая крупнейшие транснациональные

корпорации, вокруг которых создаются стартапы и «коробочные» структуры, внедренческие фирмы и т. п. В результате университет становится экономическим центром целых регионов (территорий), задавая не только потоки образовательной, но и трудовой миграции, а также обеспечивая создание научно-производственных кластеров. Однако все перечисленное – уже наблюдаемые и обсуждаемые явления в сфере высшего образования (см., например, [2]). Часть указанных трендов возможно сохранится до 2035 г., но многие из них, которые в настоящее время представляются достаточно важными, через 15–20 лет сойдут со сцены.

Среди процессов, которые уже разворачиваются и формируют в последние годы новые тренды в системе высшего образования можно также указать следующие:

- рост экономической неопределенности в развитии общества. Тем самым существенным образом ограничиваются возможности прогнозирования потребностей рынка труда, что ориентирует университетское образование прежде всего на обеспечение адаптивности (как и в школьном образовании), то есть на развитие способностей человека в процессе своей профессиональной карьеры быстро и эффективно реагировать на новые вызовы. Это существенно отличается от образования как овладения профессией (ремеслом);

- из неопределенности будущего вытекает необходимость обеспечения непрерывности образования и усиления в нем возможности для студента или слушателя выбрать (строить) индивидуальную траекторию. Поэтому важнейшим показателем эффективности университета становится не только (а возможно, и не столько) привлечение студентов после средней школы, сколько востребованность его со стороны тех, кто занят активным развитием своей карьеры (*mid-career specialists*);

- рост, как уже отмечалось, издержек университетов и увеличение расходов общества на высшее образование. Образование в развитых странах становится все более дорогим, а это ведет и к удорожанию хорошего образования в развивающихся странах. За этим следует обострение дискуссии в обществе о необходимости повышения доли расходов на образование в бюджете и в ВВП, что приходит в противоречие с бюджетным кризисом, характерным в настоящее время для большинства развитых и развивающихся стран;

- одновременно стремительно развиваются технологии образования, позволяющие повысить его гибкость, обеспечить адаптивность и снизить

стоимость образования. Тем самым, напротив, повышается доступность высшего образования. Особое место здесь занимают появление и расширение онлайн-курсов в программах университетов, рост самостоятельной работы студентов в общем балансе времени обучения. Все это создает возможность в предельном случае сосредоточить основную массу студентов вокруг ограниченного числа лучших университетов и лучших профессоров. Перспективы этой тенденции еще не проявились в полной мере, однако уже сейчас она заставляет пересматривать некоторые важные принципы традиционной системы профессионального образования;

- интернационализация образования и появление глобальной конкуренции за лучших студентов и лучших профессоров. Это объективно ведет к увеличению доли иностранных студентов в общей численности студентов университетов. Продолжение этой тенденции приведет к возникновению глобального научно-образовательного языка, на который в настоящее время претендует английский;

- потребность в серьезном изменении структуры рабочих мест в связи с изменением образовательного уровня населения (в отличие от требования приведения структуры высшего образования к соответствию с потребностями рынка труда) [3].

Последний пункт крайне важен, поскольку не рынок труда начинает диктовать структуру подготовки кадров, а общее повышение образовательного уровня населения начинает востребовать изменение структуры экономики. В этом смысле профессиональное образование, особенно высшее, должно ориентироваться не на те потребности в специалистах, которые уже хорошо понятны, а на те, которые еще только начинают формироваться. Соответственно, и на этом уровне образования возникает вопрос о «вечных» и «не вечных» знаниях и о «вечных» и подвижных (рождающихся и умирающих) компетенциях. Отметим, кстати, что многие умения, которые раньше представлялись «вечными» навыками, а, следовательно, считалось, что они обязательно должны входить в учебный процесс, в настоящее время себя уже пережили, стали ненужными.

Еще более важным, но практически не обсуждаемым (или обсуждаемым недостаточно) изменением становится превращение высшего образования во всеобщее высшее образование, которое в настоящее время характерно для 10–15 стран (доля возрастной когорты, идущей в вузы в них превышает 70–75 %, а в некоторых – Финляндия, Южная Корея – уже превысила 90 %). В результате

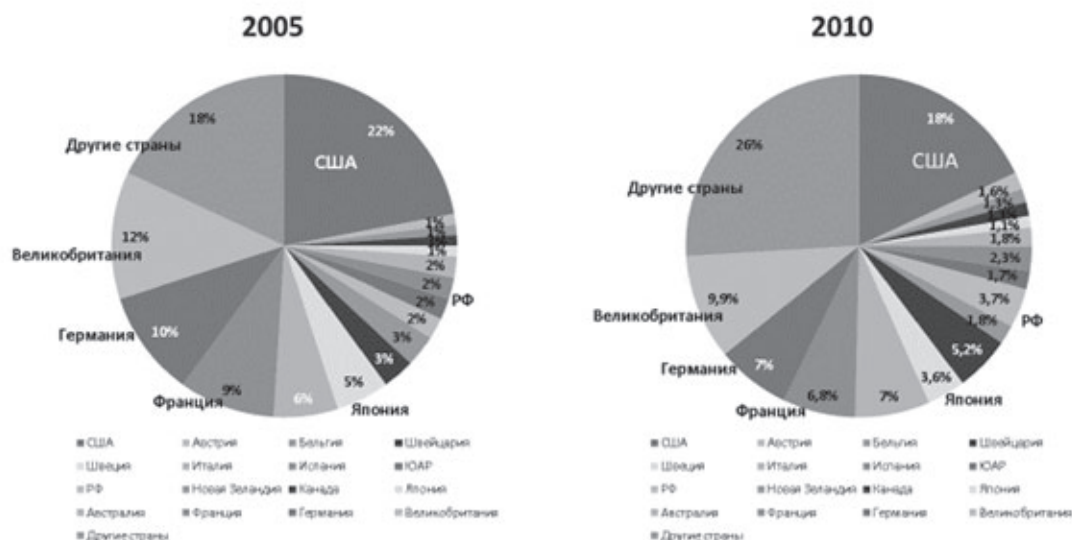

Рис. 1. Распределение численности иностранных студентов по странам, %*

Источник: [4].

*К сожалению, более поздние данные по распределению иностранных студентов в сопоставимом формате отсутствуют, поскольку ОЭСР стало разделять интернациональных студентов и иностранных студентов.

указанных изменений ценность высшего образования, прежде всего бакалаврского, начинает падать, падает и финансовая отдача от этого уровня образования. Соответственно, задачей для домохозяйств (индивидуумов) становится переход на следующий уровень образовательной лестницы – сначала магистратуры, затем аспирантуры (докторантуры). Издержки либо прямые (оплата обучения), либо косвенные (оплата сопутствующих услуг на протяжении всего срока обучения), а также альтернативные издержки – потеря заработной платы (дохода) в связи с удлинением сроков получения высшего образования – в силу происходящего процесса постоянно возрастают. Кроме того, выпускник вуза значительно позже выходит на рынок труда, значительно позже заводит семью, в которой рождается меньше детей, и сверхобразованное общество начинает достаточно быстро стареть и для того, чтобы затормозить этот процесс, привлекает многочисленных мигрантов. Более поздний выход на рынок труда приводит к тому, что работник должен дольше (или интенсивнее) работать, то есть к повышению пенсионного возраста ведет отнюдь не только увеличение продолжительности жизни, но и изменение характера образования и труда в тех странах, где осуществляется (или уже осуществлялся) переход к всеобщему высшему образованию. Одновременно с этим процессом в менее развитых странах ценность высшего образования растет (продолжает расти), как и отдача от него. Это в том числе продуцирует поток студентов из развивающихся стран в страны с престижными

системами высшего образования, в университетах, которые занимают лидирующие места в мировых университетских рейтингах. За 35 лет (с 1975 по 2010 г.) численность иностранных студентов в мире выросла более чем в 5,1 раз. В 2010 г. общая численность студентов в мире составила 177 млн человек, увеличившись по сравнению с 2000 г. на 77 млн человек [4]. Растет предоставление услуг высшего образования в странах, где охват молодежи 17–25 лет высшим образованием составляет от 20 до 40%. Вузы указанных стран стремятся войти в мировые рейтинги университетов и для того, чтобы увеличить свой вес внутри страны, и для того, чтобы привлечь иностранных студентов. Другими словами, вузовские системы этих стран часто растут быстрее, чем внутренний спрос на их услуги (предоставляемое образование), поскольку они стремятся захватить определенную долю (или нишу) растущего мирового рынка высшего образования. В результате образование не только становится одним из ведущих секторов мирового хозяйства, но и быстро меняющимся рынком образовательных услуг, где доли одних стран уменьшаются, а других, напротив, увеличиваются (рис. 1).

Вместе с тем иностранные студенты, обучающиеся в ведущих мировых университетах, нередко всеми силами стараются остаться в странах, где эти высшие учебные заведения расположены, поскольку уровень и стандарты жизни в них выше, чем в странах, откуда они приехали на учебу. Соответственно, происходит «перепроизводство» высшего образования в странах, перешедших

к всеобщему высшему образованию: усиливается конкуренция между местными выпускниками местных университетов и иностранными выпускниками местных университетов, стремящимися закрепиться в стране обучения, а также выпускниками вузов других стран, пытающимися приехать в данные страны в поисках работы. При этом мировые рейтинги университетов становятся механизмом «привлечения», «проникновения» и, одновременно, своеобразными «пропусками» в более развитый (в том числе и по высшему образованию) мир. Иными словами, с одной стороны, ориентируясь на мировые рейтинги университетов, абитуриенты из разных стран стремятся попасть в те из них, которые находятся в первых двух сотнях списка, с другой стороны, работодатели предпочитают брать на работу также выпускников университетов, которые находятся на высоких позициях в упомянутых рейтингах, даже если эти выпускники и не учились в данной стране (китайский выпускник Шанхайского университета может претендовать на работу и в США, и в Великобритании, и во Франции, поскольку указанный университет в рейтинге ARWU занимает место 101–150).

Для продвижения в мировых университетских рейтингах вузы стремятся привлекать преподавателей и профессоров из известных высших учебных заведений. При этом они «повышают ставки», оплачивая труд иностранных ППС значительно выше, чем оплачивается их труд в их собственных («родных») университетах в развитых странах. В такой ситуации ведущие мировые университеты вынуждены поднимать заработную плату своим преподавателям и профессорам с тем, чтобы они продолжали в них работать (чтобы их удержать). Соответственно, растут издержки, повышается плата за обучение или/и расходы государства на финансирование высшего образования.

Выходом из данной ситуации частично становится изменение технологий обучения, развитие МСОС и МООС, перенос части курсов в Интернет, онлайн-лекции известных профессоров (выдающихся ученых) для широкой аудитории, возможность для студентов (или более широко — обучающихся, слушателей) самостоятельно создавать учебный план, участвовать в виртуальных семинарах и конференциях, выступать на них с докладами, а затем зачесть изученные предметы либо в своем университете (МСОС), либо в независимых центрах сертификации знаний и/или через тот же Интернет, и получить диплом (МООС), который вполне может котируется на рынке труда. Следовательно, постепенно

начинает в определенной степени стираться различие между очным и дистанционным (Интернет, онлайн-овым, виртуальным) образованием. Пока мы видим только начальную стадию этого процесса, но его развитие может радикально изменить ситуацию в высшем образовании, поскольку чем менее дефицитным становится благо, тем ниже опускается его цена (в случае отсутствия монополии на его предоставление). В настоящее время МСОС, да и МООС по большому счету скорее воспринимаются как дополнение к обычному университету, позволяющее за счет экономии на масштабе снизить издержки. Однако через 10–15 лет по мере дальнейшего развития информационно-коммуникационных технологий виртуальное обучение во многих случаях станет альтернативой его традиционным формам. При этом можно предположить, что гуманитарные и социально-экономические специальности будут прежде всего изучаться в онлайн-режиме, по крайней мере на уровне бакалавриата. В магистратуре, где выше исследовательская, а не образовательная составляющая, учебное время (учебный процесс) будет делиться на виртуальное обучение и исследовательскую работу, протекающую в традиционных формах, хотя и здесь для гуманитарных и социально-экономических наук возможны онлайн-консультации научных руководителей и проведение/участие в видеосеминарах по обсуждению полученных результатов. В технической и естественно-научной сферах значение онлайн-обучения будет ниже по сравнению с гуманитарной и социально-экономической сферами в том случае, если они требуют экспериментальной работы. Но для теоретической составляющей курса и в этих областях возможно широкое развитие онлайн-форм получения образования. При изменении подходов к экспериментальной деятельности (моделирование эксперимента на компьютере), виртуальные лаборатории также получат свое развитие, а следовательно, и в данном сегменте начнет сокращаться время непосредственного участия студентов в традиционном учебном процессе.

В настоящее время крайне трудно оценить социальные, культурные и экономические последствия тех процессов, которые описаны выше и еще только начинают проявляться. Можно только предполагать, что значительное число ныне действующих университетов перестанет существовать. Ведущие университеты мира превратятся прежде всего в исследовательские центры, значение и вес которых еще больше возрастут. Вместе с тем появление в мире огромной численности студентов бакалавриата потребует

обеспечения их обучения – методического, контрольного, консультационного, распространения материалов, организации сбора средств. Это может в некоторой степени смягчить ситуацию на рынке труда преподавателей, которые, в том числе и профессура, превратятся в тьюторов, методистов и консультантов. Но расходы на их деятельность могут суммарно сократиться. Существенно сократятся расходы на сопутствующие услуги университетов, поскольку современные университетские кампусы как таковые могут перестать существовать в нынешнем виде. Бакалавры будут жить у себя дома (в семьях или снимать жилье), отбор в магистратуры и аспирантуры (докторантуры) университетов может стать предельно жестким, проживание магистрантов и аспирантов (докторантов) в кампусах также не будет столь длительным, как в настоящее время. Вместе с тем могут резко вырасти масштабы магистерской или аспирантской (докторской) подготовки именно в ведущих университетах мира, при этом виртуальные (дешевые) университеты будут готовить магистрантов и аспирантов (докторантов) онлайн, но их степени будут цениться намного ниже. Как будут финансово существовать ведущие мировые университеты – продажой контента, взиманием высокой платы с магистрантов и аспирантов (докторантов), финансироваться в разнообразных формах бизнесом и государством – в настоящее время сказать трудно. Видимо, возникнет несколько разных моделей их экономического функционирования. Помимо данного вполне оптимистического сценария, могут возникнуть и другие, когда доступ к онлайн-образованию начнет резко ограничиваться, в том числе и экономическими методами (повышением оплаты соответствующих услуг). Тогда может резко обостриться проблема доступности высшего образования для определенных стран и социальных слоев. Одной из проблем ограничения доступа к высшему образованию является та, что оно становится не только механизмом профессионализации молодежи, но и служит для этой молодежи неким «социальным сейфом». В этом контексте увеличение времени пребывания молодых людей в университетах в разных странах может происходить по-разному. В странах с потенциально высокой молодежной безработицей будет выгодно с социальной точки зрения увеличивать длительность обучения (в настоящее время примером такой страны может, например, служить Греция, где в университеты поступает примерно 91 % выпускников школ просто потому, что иначе была бы крайне велика молодежная безработица [5]).

Помимо изменений в общем и профессиональном образовании, рост МООС означает переход непрерывного (профессионального) образования в новое качество, поскольку уже в настоящее время эти курсы привлекают не только студентов, но и взрослых людей, имеющих профессиональное образование в возрасте от 25 лет. МООС дает возможность без больших материальных затрат получить второе (иное) высшее образование, обновить или получить необходимые знания по ряду дисциплин, расширить общий кругозор и т. п. Фактически *life-long learning* (образование длиною в жизнь – непрерывное образование) приобретает адекватную основу и одновременно изменяет содержание и характер самих МООС, которые начинают подстраиваться к значительно более широкой аудитории по сравнению со студенческой. Если к 2035 г. общая численность студентов превысит 300–400 млн человек, то численность взрослых профессионалов, обучающихся в виртуальных университетах, по всей видимости, превысит миллиард человек.

Таким образом, традиционный облик образования быстро размывается, и особенно это касается высшего и непрерывного образования. Проекция данной картины на российскую ситуацию, позволяет выделить основные приоритеты образовательной политики в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе.

В России в последние годы ширится мнение, что высшего образования в стране стало «слишком много». Это тем более парадоксально, что с 2008 г., когда был достигнут пик численности студентов (7,5 млн человек), студенческий контингент быстро сокращается и в 2016 г. упал ниже 4,7 миллионов. К 2024 г. общая численность студентов вузов сократится примерно до 3,9 млн человек, а бюджетных студентов – до чуть более 1,6 млн (рис. 2).

Как нетрудно видеть на рис. 2, в 2031 г. в российских вузах будет учиться меньше студентов, чем в 2017 г. и, что более важно, в 2000 г., когда студенческий контингент составлял 4,7 млн человек.

Во многом мнение о том, что студентов стало «слишком много» характеризует переходный процесс и сродни тому, что полтора века назад казалось, что ненужно так много людей с 4-классным образованием. Но именно появление поколения, умеющего читать, писать и считать, резко увеличило эффективность тогдашней экономики и позволило перейти от аграрного общества к индустриальному.

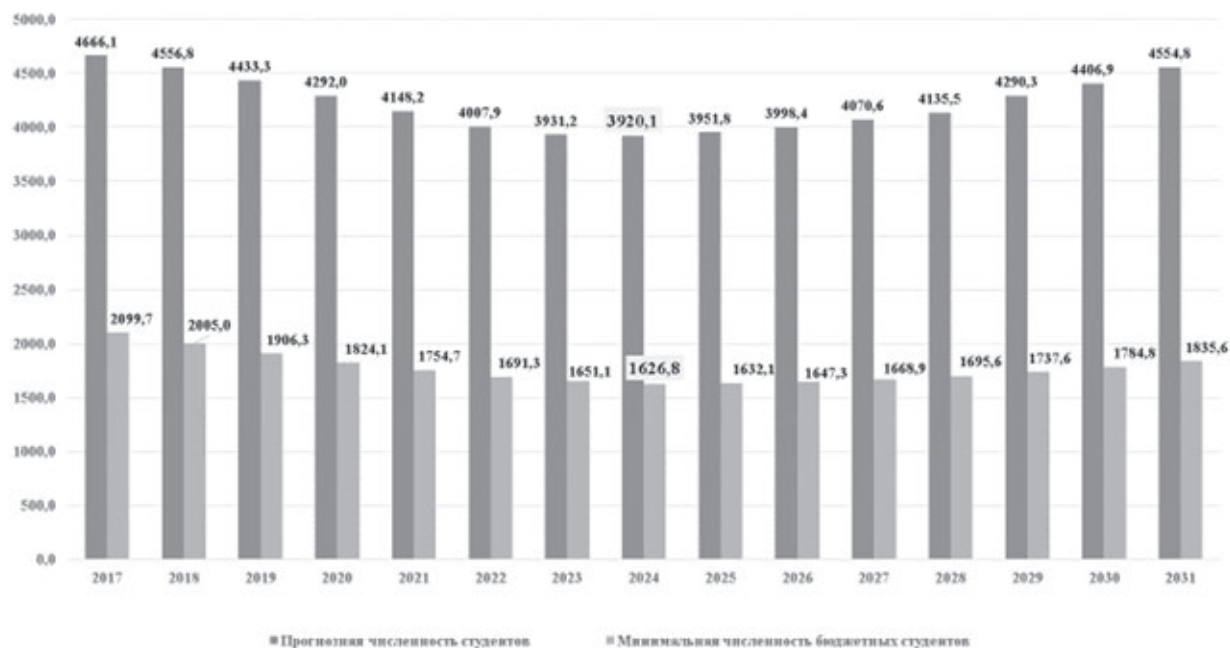

Рис. 2. Прогнозная (общая и бюджетная) численность российских студентов в вузах России в 2017–2031 гг., тыс. человек

Источник: рассчитано на основе демографического прогноза Росстата [6]

Когда в настоящее время говорят о том, что в Российской Федерации рабочих мест, требующих высшего образования, в среднесрочной перспективе будет всего 35 %, а для 65 % мест оно будет избыточно и не нужно, не понимают, что именно под появляющуюся когорту молодых специалистов начнут создаваться принципиально новые рабочие места (или новое поколение работников создаст их само, если ее в этом поддержать), поскольку современная молодежь в массе своей не хочет работать в плохих условиях и за низкую заработную плату. Если же этого не произойдет, то российская экономика практически не сможет развиваться и обеспечить дальнейший рост благосостояния населения. В этой ситуации предлагаемое повышение пенсионного возраста контрпродуктивно, так как продлит существование в экономике устаревших морально и физически производств, но, как представляется, сильно изменить общий тренд данная мера не сможет. Другое дело, что для обучения новых специалистов уже сейчас необходимо готовить новых преподавателей, которые смогут учить тех, кто предъявит спрос на другую экономику и, что более серьезно,

окажется в состоянии в ней работать или ее создавать. Однако представления о том, что образование должно отвечать на потребности рынка труда, даже устаревшие или быстро устаревающие, пока не позволяют развернуть в новом направлении российскую образовательную политику.

Список литературы

1. Доннелли К., Ризви С., Барбер М. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция / пер. с англ. Н. Микшиной // *Вопр. образования*. 2013. № 3. С. 152–229.
2. Карной М., Кузьминов Я. И. Онлайн-обучение: как оно меняет структуру образования и экономику университета. Открытая дискуссия // *Вопр. образования*. 2015. № 3. С. 8–43.
3. Клячко Т. Л., Мау В. А. Будущее университетов. Статья 1. Глобальные тренды // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 5–18.
4. Education at a Glance 2012. OECD, 2012.
5. Мир в цифрах: стат. справочник. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2015. 343 с.
6. Демографический прогноз до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 01.10.2016).

T. L. Klyachko

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATION

Key words: primary/secondary education; universities; new educational technologies; competence-based approach; Russian specific features.

The article analyzes new trends in the development of secondary and higher education that in the next 20 years will form brand new image of educational system. Authors show that transition to overall higher education leads to decreased value of higher education in developed countries which will be the first to complete this process. In the developing countries the value of higher education will increase as well as the amount of foreign students at prestigious universities in the USA, Great Britain, Germany, France and other countries with modern higher education systems. At the same time exponential growth of student communities in developing countries will force universities in these countries aim higher in international ratings by massive invitation of lecturers from the leading universities and significant increase of their salary. As a result university costs all over the world will grow rapidly. At the same time more important role will be given to massive open online courses that can help in decreasing costs growth on the one hand and on the other hand lead to reshuffling of all higher education architecture.

References

1. Donnelly K., Rizvi S., Barber M. Nakanune skhoda laviny. Vyssheye obrazovaniye i gryadushchaya revolyutsiya [On the eve of an avalanche. Higher education and the coming revolution]. *Voprosi obrazovaniya* [Educational Studies], 2013, vol. 3, pp. 152–229.
2. Karnoy M., Kuz'minov Ya. I. Onlayn-obucheniye: kak ono menyayet strukturu obrazovaniya i ekonomiku universiteta. Otkrytaya diskussiya [Online Learning: How It Affects the University Structure and Economics. Panel discussion]. *Voprosi obrazovaniya* [Educational Studies], 2015, vol. 3, pp. 8–43.
3. Klyachko T. L., Mau V. A. Budushcheye universitetov. Stat'ya 1. Global'nyye tendentsii [The future of universities. Article 1. Global Trends]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2015, vol. 3, pp. 5–18.
4. *Education at a Glance 2012*. OECD, 2012.
5. *Mir v tsifrakh*. Statisticheskiy spravochnik [World in Figures. Statistical handbook]. M.: ZAO «Olimp–Biznes», 2015. 343 p.
6. *Demograficheskiy prognoz do 2030 goda* [The demographic forecast until 2030] [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (data obrashcheniya 01.10.2016).

**Tat'yana L. Klyachko*—Doctor of sciences (economics), professor, Director, Center for Continuous Education Economy, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82, bld. 1, +7 (903) 103–78–30; tatlk@bk.ru, tlk@ranepa.ru.